

литке и внешней торговле Новгорода рассматриваемого периода. Отметим, что наши наблюдения, сделанные на основе анализа начального текста новгородско-немецких договоров, совпадают с выводами, к которым В. Л. Янин пришел на основе других материалов, о том, что с 20-х годов XV в. в политической жизни Новгорода выдвигается «на первое место авторитет общепольского органа — Совета господ». Возрастание роли Совета господ явилось, по мнению В. Л. Янина, результатом проведенных в Новгороде в 1416—1423 гг. реформ, увеличивших количество посадников при одновременном сокращении срока степенного посадничества до полугодия, что повлекло за собой подрыв автократического начала боярской власти и усиление коллективного начала в лице Совета господ.³³

Итак, изучение перечня должностных лиц, социальных слоев и политических институтов Новгорода, встречающегося в начальном тексте новгородско-немецких договоров конца XII—середины XV в., позволяет выделить в истории политического строя Новгорода этого периода три этапа: первый — конец XII—XIII в. — «двоевластие республики и князя» (по терминологии В. Л. Янина), когда княжеская власть, хотя и ограниченная республиканскими институтами, сохраняет еще значительные позиции; второй — со второй четверти XIV до начала XV в. — расцвет республиканских порядков; третий — с 20-х годов и до середины XV в. — сосредоточение всей власти в руках Совета господ и окончательное превращение Новгорода в олигархическую республику. Таким образом, анализ начального текста новгородско-немецких договоров подтверждает основное положение В. Л. Янина о длительности процесса становления Новгородской республики и о динамичном характере ее развития.

Д. И. РАСКИН

МИРСКИЕ ЧЕЛОБИТНЫЕ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Крестьянские мирские челобитные — источник, представляющий значительный интерес как документ, исходящий непосредственно от крестьян. Челобитные, жалобы и прошения крестьян привлекали уже внимание историков, использовавших их при изучении классовой борьбы и социально-политических представлений крестьян. Но если крестьянские прошения начала XIX в. исследованы довольно подробно, в том числе и в источниковедческом отношении,¹ то челобитные более раннего периода изу-

³³ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М., 1970, с. 132.

¹ Э. С. Павлова. Жалобы помещичьих крестьян первой половины XIX в. как исторический источник. История СССР, 1964, № 6.

чены слабо — существуют лишь отдельные замечания, касающиеся их источниковедческой характеристики.²

В настоящей работе термин «челобитная» употребляется в широком смысле слова. Под челобитной понимается жалоба или просьба крестьян, обращенная к вотчиннику или к высшим органам власти (вплоть до монарха), содержащая наименование адресата и лиц, обращающихся с жалобой или просьбой, изложение обстоятельств дела и обязательно конкретные требования с доводом в пользу их удовлетворения.

Материалом для настоящей статьи послужили челобитные крестьян монастырским властям Александро-Невского монастыря за 1713—1730 гг.³ и Кирилло-Белозерского монастыря за 1700—1743 гг.⁴ В работе использованы и челобитные монастырских крестьян в высшие правительственные учреждения, отложившиеся в фондах Монастырского приказа и Канцелярии Синода, из вотчин более чем 40 монастырей.⁵ Они менее многочисленны, но очень ценны по содержанию. Всего в работе привлечено более тысячи мирских челобитных.

Сохранившиеся до наших дней челобитные — лишь незначительная часть их общего количества. Показательно сопоставление сохранившихся челобитных с монастырскими книгами записей входящих челобитных. К сожалению, не все из дошедших до нас таких книг поддаются сопоставлению. Подобная книга за 1738 год, сохранившаяся в архиве Кирилло-Белозерского монастыря, указывает на 109 челобитных.⁶ Нам удалось обнаружить за этот год в фонде Кирилло-Белозерского монастыря лишь 37 челобитных. Заглавия челобитных из книги записей входящих челобитных показывают, что не дошедшие до нас челобитные по характеру требований не отличались от сохранившихся.

Большая ценность (сравнительно с челобитными индивидуальными) мирских челобитных, которые писались и подавались от имени мира, объясняется прежде всего тем, что крестьянские мирские челобитные выражали организованную просьбу крестьянского мира к вотчиннику или к правительству. Иные из них (челобитные о замене властей, защите от злоупотреблений, об

---

² П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-е годы XVIII в. М., 1958; П. В. Иванов. 1) Социально-политические представления монастырских крестьян в России 40—60-х годов XVIII в. Уч. зап. Курского гос. пед. инст., 1967, вып. 43, ч. 1; 2) Социально-политические представления помещичьих крестьян в России 40—60-х годов XVIII в. Уч. зап. кафедр истории КПСС, философии, политэкономии и научного коммунизма Курского гос. пед. инст., 1967, ч. I, вып. 37; В. В. Мавродик. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I. М., 1961.

³ ЦГИА СССР, ф. Александро-Невской лавры (далее — ф. 815).

⁴ ЛГИА, ф. Кирилло-Белозерского монастыря (далее — ф. 251).

⁵ ЦГАДА, ф. Монастырского приказа (далее — ф. 237); ЦГИА СССР, ф. Канцелярии Синода (далее — ф. 796).

⁶ ЛГИА, ф. 251, оп. 2, л. 3118.

изменении повинностей) сопровождался открытым неповиновением крестьян их непосредственным властям.⁷

Что же касается индивидуальных крестьянских челобитных, их значение меньше. Это просьбы отдельных крестьян о различных льготах, жалобы крестьян друг на друга. Чаще такие челобитные писали оброчные крестьяне, отпущенные на заработки, живущие вне вотчины.⁸ Из этой группы выделяются челобитные отдельных крестьян с жалобой на мирские власти, по внутримирским конфликтам (о неправильной раскладке податей, взятии рекрута вне очереди и т. п.). Но такие челобитные все-таки чаще бывают от имени целой группы недовольных крестьян.

В рассматриваемое время челобитные монастырских крестьян было в основном легальным, хотя и в общегосударственном масштабе, и внутри вотчины ему ставились некоторые ограничения.⁹

Наибольшее значение имеют челобитные с жалобами на приказчиков и монастырские власти и челобитные о повинностях. В этих челобитных крестьяне просили о смене злоупотреблявших своей властью приказчиков, уличали монастырские власти в беззакониях, обращались за защитой к монарху, просили об отмене повинностей, казавшихся им незаконными или чрезмерными.¹⁰

Немалый интерес представляют и челобитные по межмирским конфликтам (особенно о земельной разверстке) и с жалобами на соседних помещиков и крестьян при межевых конфликтах, порожденных столкновением по-разному понимаемых различных прав спорящих лиц и общин на владение и пользование землей.¹¹

Характерны многочисленные челобитные «пустоту досмотреть», «лесные платежи с пуста снять». В петровское время государственные повинности, особенно с монастырских крестьян, непомерно увеличились. Призывы рекрут и рабочих людей приводили к увеличению количества пустых дворов, в результате повинности ложилась с возросшей тяжестью на оставшихся крестьян. Не протестуя в то время вообще против государствен-

---

⁷ Из 23 волнений монастырских крестьян в первую треть XVIII в., учтенных автором, 12 сопровождался подачей челобитных.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 1, д. 14-1713, л. 1, 3 и 3 об., 9—10, 11—12 и др.; д. 13-1715, л. 18, 18 об.; оп. 4, д. 10-1733, л. 6—7, 10 и 10 об. и др.

⁹ Подробно вопросу о легальности челобитных монастырских крестьян и об ограничениях челобитья, предпринимаемых властями, а также тому, какие челобитные вызывали наибольшее недовольство монастырских властей, автор посвятил отдельную работу (Д. И. Раскин. Крестьянские челобитные в крупной монастырской вотчине в первой четверти XVIII в. В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971).

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 10, д. 11-1729, л. 1—2; оп. 6, д. 8-1725, л. 11—12 об.; оп. 7, д. 164-1727, л. 2; ф. 815, оп. 4, д. 83-1729, л. 54 и 54 об. и др.

¹¹ Там же, ф. 796, оп. 4, д. 178-1723, л. 25 и 25 об.; ф. 815, оп. 4, д. 44-1720, л. 3 и др.; д. 40-1723, л. 6 и др.; д. 198-1726, л. 16—20; ЦГИА, ф. 251, оп. 2, д. 229 (1715 г.), д. 423 (1720 г.), д. 2239 (1735 г.) и др.

ных повинностей, крестьяне всячески пытались добиться их уменьшения. В первую очередь путь к такому уменьшению они видели во взимании повинностей с реального числа дворов, в «снятии пустоты».¹²

Поскольку такие просьбы были весьма настойчивыми и, главное, сопровождались бегством, власти вынуждены были к ним прислушиваться (как в отдельных случаях, так и в общегосударственном масштабе).¹³

Таким образом, челобитные крестьян о «неплатеже с пуста», подкрепленные бегством, можно считать проявлением повседневной классовой борьбы, проходящей, правда, в легальной форме.

Если в челобитных с жалобами на приказчиков и монастырские власти, о повинностях и о неплатеже «с пуста» весь крестьянский мир выдвигал свои интересы как одно целое против интересов феодала, то за челобитными по внутримирским конфликтам стояло разделение мира на враждебные группы. Часть таких челобитных связана с обстоятельствами, постоянно возникающими в ходе деятельности крестьянской общины, «учета» — мирской проверки старост и выборных, утверждения «мирскими счетчиками» общинных расходов.¹⁴ Здесь речь идет о злоупотреблениях отдельных лиц, не выходящих за пределы истари заведенного порядка, о недоразумениях, встречающихся при нормальной деятельности мирских выборных властей. Большой интерес представляют челобитные, возникающие в результате разделения общины на «прожиточных» и «малотяглых», выделения внутри общины группы крестьян, захвативших мирские должности.¹⁵

В рассматриваемое время жалобы и просьбы крестьян излагались в документах, отличавшихся друг от друга по форме. Это собственно челобитные, доношения-прошения, челобитные и доношения по пунктам. Все эти документы можно обозначить как челобитные в широком смысле слова (в отличие от челобитных в узком смысле слова — собственно челобитных).

Собственно челобитные состоят из обозначения адреса, затем лиц, от которых исходит челобитье: «Господину отцу архимандриту... з братьею. Бьют челом сироты вапп...». Далее следует изложение обстоятельств дела.

---

¹² ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, л. 1042, л. 1—2 (1704 г.); д. 2479, л. 1—2 (1708 г.); д. 2568, л. 1 (1708 г.); д. 4236, л. 1 и 1 об. (1717 г.); д. 4814, л. 1 (1720 г.); д. 6134, л. 1 и 1 об. (1724 г.); ЛГИА, ф. 251, оп. 2, д. 1978 (1733 г.); ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 2, д. 154-1719, л. 1 и 1 об. и др.

¹³ См.: ПСЗ, № 2252. Указ 12 II 1710 г. о невзимании с патриарших и монастырских вотчин за пустые крестьянские дворы в казну на оставшихся крестьянах податей, провианта, рекрут и работников.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 2, д. 32-1719, л. 18—19 об.; оп. 4, д. 85-1722, л. 33—36.

¹⁵ Там же, оп. 2, д. 27-1718, л. 129—130 об.; оп. 4, д. 54-1725, л. 1 и 1 об. и др.; д. 74-1723, л. 10 и 10 об.; д. 105-1728, л. 96 и 96 об., 98—101 об.; д. 51-1729, л. 23 и 23 об.; д. 81-1729, л. 44—46 об. и др.

Здесь текст более свободный, менее связан устойчивыми формулами. Затем идет требование челобитной, снабженное устойчивыми формулами: «Милостивый господин отец архимандрит... умилостивися над нами, сиротами» (или «пожалей нас, сирот своих», или «милостей у вас, государей своих, просим»). Под челобитной ставится дата написания, подпись, реже — указание на ищца и инстанцию, в которую обращаются челобитчики.

Челобитные на царское (императорское) имя имеют свои особенности. После обращения («Державнейший царь, государь милостивейший» и т. п. в соответствии с титулом) там следует изложение обстоятельств дела, потом — требования и лишь в конце указываются лица, от которых исходит челобитье («Вашего императорского величества прикащики рабы (или сироты)»).

В доношениях-прошениях заголовок «Доношение» не означает, что речь идет о донесении подчиненного лица вышестоящему. Такого рода донесения хорошо известны и в государственном, и в монастырском делопроизводстве XVIII в. В XVII в. доношений-прошений монастырских крестьян мы не находим. В XVIII в. доношения-прошения в Александро-Невском монастыре составляют 10% общей массы жалоб и просьб за 1713—1717 гг. и 40% — за 1718—1730 гг. В Кирилло-Белозерском монастыре доношения-прошения составляют 16% общей массы жалоб и просьб. Более распространенные доношения-прошения во вновь созданном Александро-Невском монастыре по сравнению с Кирилло-Белозерским объясняется более современным для начала XVIII в. делопроизводством в Александро-Невском монастыре.¹⁶

Но крестьяне не просто механически заимствовали форму доношений; заголовку «Доношение» в заключительной части обязательно соответствует слово «прошение». По построению доношения-прошения отличаются от собственно челобитных тем, что в них после обозначения адресата идет заголовок «Доношение», за ним сразу излагаются обстоятельства дела и просьба и только в заключение указываются лица, от которых исходит просьба: «Прошение сирот ваших... уезда, села... и всех крестьян».

С начала XVIII в. под влиянием указа о писании челобитных по пунктам¹⁷ собственно челобитные и доношения-прошения развились в челобитные и доношения по пунктам.

Заголовок «Доношение» часто сменяется здесь заголовком «Прошение», доношения и челобитные по пунктам сближаются. Выражения «бьют челом», «прошение предлагают», «просят» часто встречаются одновременно. По всей вероятности, из этого сближения и выработалась в течение XVIII в. возобладавшая в конце XVIII—начале XIX в. форма прошения.

¹⁶ М. Д. Приселков. Александро-Невский монастырь при Петре Великом. СПб., 1903, с. 57—59.

¹⁷ ПСЗ, № 7139.

Особенно сильно сказалось влияние государственного делопроизводства на формуляр челобитных в петровское время при переходе от приказного делопроизводства к коллежскому. В челобитных, поданных в Монастырский приказ, господствует тип собственно челобитной, в Синод подавались главным образом челобитные и доношения по пунктам. Это влияние сказывается на многих элементах челобитных. В начале XVIII в. челобитные на столбцах (которые в случае удовлетворения возвращались челобитчикам с указом на обороте — «подписная челобитная») заменялись челобитными на листах, подписываемых в тетради (челобитчикам на руки возвращалась резолюция). Если в XVII в. в челобитных писец, как правило, не указывался, в XVIII в. он начинает упоминаться все чаще и чаще, особенно в челобитных в государственные учреждения. В челобитных XVII в. подпись мы видим печасто, в XVIII в. она становится обязательной. В XVIII в. из челобитных исчезают полуимена, встречающиеся в XVII в. В XVIII в. в челобитных становится обязательным указание на дату написания, чаще всего отсутствующее в XVII в. В XVIII в. появляются и указания на учреждение, куда надлежит подать челобитную («к поданию надлежит...»).¹⁸

Прямой зависимости формы крестьянских жалоб и прошений от отдельных писцов не наблюдается. Влияние официального делопроизводства шло через крестьянский мир, который в лице как отдельных своих представителей, так и состоявших на службе мира земских дьячков усваивал это влияние, приспособливая его к своим пуждам.

Для ответа на вопрос, кто играл главную роль в составлении и написании челобитных, следует привлечь данные о том, от чьего имени подавались челобитные, кто их писал и «заручал».

Судя по дошедшим до нас челобитным, они написаны от имени следующих лиц:

Старосты, выборные и все крестьяне	315 (70%)	в Александро-Невском монастыре, 219 (52%) в Кирилло-Белозерском и 6 (19%) в Канцелярии Синода.
Старосты и выборные	14 ¹⁹ (3%)	и соответственно 26 (6%) и 5 (16%).
Мирские выборные челобитчики	47 (10%)	и соответственно 11 (2,6%) и 19 (61%).
Только крестьяне	73 ²⁰ (16%)	и соответственно 168 ²¹ (40%) и 1 (3%).

¹⁸ ПСЗ, № 1899, 2685, 1836 (п. 7), 2865, 1884, 3068, 4769.

¹⁹ Из них 12 по внутримирским конфликтам и по другим поводам, заведомо предполагающим челобитчиков.

²⁰ Из них 37 по внутримирским конфликтам, на управителей и по другим поводам, заведомо предполагающим отсутствие мирских выборных властей.

²¹ Из них 109 по внутримирским конфликтам, на управителей и по другим поводам, заведомо предполагающим отсутствие мирских выборных властей, 43 от имени отдельных деревень, не имеющих своих старост.

Писали челобитные:

Священники и причетники	7 (13%) в Александро-Невском монастыре, 2 (6%) в Кирилло-Белозерском, но Канцелярии Синода нет данных.
Подьячие, монастырские служители, дворяне	17 (32%) и соответственно 7 (24%) и 7 (54%).
Дворяне, мещане, солдаты, низшие монастырские слуги и их дети	3 (6%) и соответственно 4 (14%) и 2 (15%).
Земские дьячки	8 (15%) и соответственно 9 (31%) и 1 (8%).
Церковные дьячки	15 (28%) и соответственно 4 (14%) и 1 (8%).
Крестьяне	3 (6%) и соответственно 3 (10%) и 2 (15%).

«Приложили руку» к челобитным:

Священники и причетники	240 (56%) в Александро-Невском монастыре, 178 (42%) в Кирилло-Белозерском и 4 (13%) в Канцелярии Синода.
Подьячие, монастырские служители, дворяне	97 (23%) и соответственно 146 (34.5%) и 14 (45%).
Дворяне, мещане, низшие монастырские слуги и их дети	18 (4%) и соответственно 38 (9%) и 4 (13%).
Земские дьячки	12 (3%) и соответственно 3 (0.7%) и 1 (3%).
Церковные дьячки	25 ²² (6%) и соответственно 23 ²³ (5%).
Крестьяне	36 (8%) и соответственно 35 (8%) и 8 (26%).

Определенный процент челобитных подписан и даже написан самими крестьянами. Так, например, грамотны все челобитчики (Осташковских слобод (Синодальной и Иосифо-Волоколамской), бывшие челом в Синод в 1724, 1744—1755 гг., многие из крестьян, подписавшихся под челобитными с Валдая.²⁴

Сравнительно чаще встречаются крестьяне, сами писавшие челобитные, в торговых селах, ставших впоследствии посадами, а также в вотчинах, бывших ранее дворцовыми.²⁵

²² Из них 7 названы просто дьячками и отнесены к церковным по косвенным признакам.

²³ Из них 3 названы просто дьячками.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 796, д. 370-1722, л. 1 и 1 об., 5 об., 8, 17 об. — Под челобитными с Валдая мы находим 9, 12, 13 и более крестьянских подписей (ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 100-1722, л. 12 и 12 об., 39 об., 44 об., 45 об., 46 об., 48, 51 и 51 об., 53, 57 об., 64, 67, 72, 74, 76 об.; ф. 796, оп. 24, д. 118-1743, л. 14—17, 42—43 об., 41—42 об., 35—38, 38—39 об., 46—47 об., 98—101).

²⁵ Село Валдай (ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 212-1724, л. 31 и 31 об.; д. 83-1725, л. 5—6), Ильинский погост Ладожского монастыря (ЛГИА, ф. 251, оп. 2, д. 117), Шеренский монастырь (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 7, д. 147-1726, л. 1—2), Николаевский Песношский монастырь (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 9, д. 125-1728, л. 1 и 1 об.), села Теребатунь, Вапкий, Лоза,

Если взять вместе с крестьянами лиц, социально им близких, и лиц, зависящих от мира (земских и церковных дьячков), то ими написано 36% челобитных в Синод, 56% — в Александро-Невский монастырь и 23% — в Кирилло-Белозерский монастырь,²⁶ а подписано челобитных соответственно 42, 21 и 23%. Священники же, напротив, чаще прикладывали руку к челобитным, чем писали их.

В мирской челобитной наиболее желательным было «рукоприкладство» священника. Подпись священника служила, по обычаю, как бы свидетельством для властей, что челобитная составлена с соблюдением всех принятых норм.

Священников привлекали к ответственности за «прикладывание руки» заочно,²⁷ так что их подпись может служить косвенным удостоверением в подлинности челобитной.

Среди писавших и подписывавших челобитные видное место занимают земские дьячки. Это были люди, зависящие от мира и осуществлявшие почти все письменные дела крестьянской общины. Земские дьячки не только писали необходимые бумаги, но и читали старостам и на сходке поступающие в вотчину указы.²⁸ Должность земских дьячков была в то время в монастырских вотчинах обязательной и повсеместной.²⁹

Доставляли челобитные в высшие правительственные учреждения и иногда в монастыри мирские челобитчики.³⁰ Иногда им давалась готовая челобитная, иногда — лишь мирской «выбор» — разновидность мирского приговора, в котором содержалось решение бить челом и поручение подать челобитную доверенному лицу. Мирской выбор — традиционно крестьянский вид документа, широко распространенный в первой половине XVIII в.

При челобитье в высшие правительственные учреждения, когда предстояла долгая тяжба, в мирском выборе добавлялось обещание «ни в чем не выдавать, и не порочить, и не лживить, и почитать челобитчиков».³¹

Антушево, Старое Никитское, Куность, Мпхальцево, Санниково, Рукиня Слободка, Сизма (ЛГИА, ф. 251, оп. 2, дела 1058, 1168, 1257, 323, 340, 1145, 1909, 322, 1142, 1975, 3203, 1680, 1923, 2683, 3552, 3473).

²⁶ Речь может идти, разумеется, не обо всех известных нам челобитных, а лишь о тех, где указаны писавшие. Но в какой-то степени и эти данные характеризуют положение дела.

²⁷ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 2, д. 306 (1702 г.), л. 2 и 2 об.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 2, д. 243-1722, л. 7—11.

²⁹ Там же, ф. 815, оп. 2, д. 84-1717, л. 3 и 3 об.

³⁰ Термин «мирские челобитчики» точнее термина «ходоки», так как последним обозначаются в документах того времени лица, получавшие жалованье от мира и выполнявшие поручения управителей, — своего рода курьеры.

³¹ Практика следствий по челобитным, когда монастырские или государственные власти добивались от крестьян силой отречения от неугодных им челобитчиков, показывает, что эта статья не была лишней; см.: Д. И. Р а с к и н. Крестьянские челобитные... с. 192.

Кроме того, зачастую в таких случаях добавлялась доверенность от мира на займы по необходимым расходам.

Признаком написания челобитной в вотчине служит подпись священника, в городе — канцеляристов того учреждения, куда били челом, и других лиц, связанных с городом.

При челобитье в центральные правительственные учреждения мирскими челобитчиками выбирали далеко не всегда представителей бедноты, как утверждает П. К. Алефиренко.³² Часто это были богатые, влиятельные крестьяне, занимавшиеся торговлей, грамотные.³³

В какой степени выборный мирской челобитчик влиял на текст челобитной? Сравнение мирских выборов с текстами челобитных показывает, что в последних довольно строго сохранялась канва выборов, хотя, разумеется, она расцвечивалась большим количеством подробностей с добавлением предыстории дела.³⁴ Иногда челобитчикам давалась с собой «черная записка»,³⁵ т. е. окончательное оформление челобитной заключалось, как можно предположить, в правильном написании нужных титулов, переписке всего текста хорошим почерком на надлежащей бумаге. Разумеется, так бывало не всегда. Но характерно, что среди мирских челобитчиков, отправлявшихся бить челом в центральные правительственные учреждения и составлявших там челобитные, процент грамотных наиболее высок, что позволяло им не только диктовать челобитную, но и вносить необходимые поправки.

Источники сохранили нам крайне мало сведений о том, при каких обстоятельствах и как неграмотные крестьяне пользовались услугами писцов. Попробуем рассмотреть те немногие данные, которые у нас имеются. В 1717 г. группа крестьян Александровского монастыря (бывших троїце-сергиевских) Тверского и Новоторжского уездов без мирского согласия доносила на монастырского стряпчего. Писал челобитную подьячий. Готовый текст читали вслух при грамотных свидетелях, приведенных челобитчиками с собой, и при «ручнике», подписавшем челобитную. Из расследования по челобитной можно предположить, что в такой процедуре современники не видели ничего необычного, — напротив, она была нормальной и привычной. В других случаях (видимо, более частых) крестьяне совместно составляли челобитную. Так, в 1718 г. группа старост старорусских погостов составляла

³² П. К. Алефиренко. Крестьянское движение..., с. 191.

³³ ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 173-1728, л. 8-10, 37 и 37 об.; ф. 796, оп. 26, д. 128-1745, л. 1-2 об., 47-50 и др.

³⁴ Показательна в этом смысле челобитная крестьян Ефремовского погоста Старорусского уезда; в сравнении с мирским выбором она почти в 4 раза больше по объему, подробнее изложена предыстория дела, но общая схема обвинений и требований сохранена совершенно точно (ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 2, д. 27-1718, л. 127, 129-130 об.).

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 77-1724, л. 9 и 9 об. — Челобитная датируется 1742 г.

челобитную. Когда она была готова, челобитную прочли вслух, но текст не удовлетворил челобитчиков. Тогда они подвергли первоначальный текст редактированию и на его основе составили новую челобитную в доме у монастырского дьячка.³⁶ Обычность такой редакционной работы подтверждается стилем изложения многих челобитных: можно предположить, что диктовало несколько человек. При чтении многих челобитных бросаются в глаза вставки, дополнения, вписанные в пробелы и над строкой исправления. Это и дополнения имен в списке челобитчиков, и добавления в перечислении обид, поборов и т. п. Добавляются и такие доводы и положения, которые не могли быть просто пропущены при письме и явно свидетельствуют о чьей-то редакционной работе.

Судя по тому, что добавленные обстоятельства писавшие узнавали лишь от крестьян (причем и писавшие, и приложившие руку в таких челобитных жили в столицах, вдали от сел челобитчиков, и не имели с ними ранее связи), эти изменения вносились в текст по требованию и со слов крестьян.³⁷ Перемена писцов и приложивших руку не вызывала изменений в тексте.

Возьмем челобитные, написанные от имени одного и того же крестьянского мира, по одному поводу, с одними требованиями, следующие в течение одного года. Вот несколько челобитных с. Баскак (Алекса́ндро-Невского монастыря) о снижении оброка. Очень близки две первые челобитные (от 27 марта и от 29 мая 1727 г.). К первой руку приложил священник, к другой — монастырский подьячий, первую писал «писчик» Присецкой вотчинной конторы, во второй писец не указан, но почерк другой. Зато имена челобитчиков — одни и те же: староста и несколько крестьян.³⁸ В двух челобитных дер. Микулино приселка Ромацово (того же монастыря) начало повествовательной части совпадает (дальнейшее расхождение вызвано изменением обстоятельств); разные лица приложили руки, разными почерками написаны челобитные. Из 10 имен челобитчиков в первой челобитной во второй не названы 4 имени, зато там прибавилось еще одно имя. Но основное ядро челобитчиков то же.³⁹

Таким образом, изменения и совпадения в тексте челобитных, как и сам текст, зависят в основном не от писавших и не от подписавшихся, а от челобитчиков, от чьего имени написана челобитная.

³⁶ Там же, оп. 2, д. 99-1717, л. 31—33; д. 58-1718, л. 7—19.

³⁷ Там же, оп. 4, д. 81-1729, л. 144—145; д. 83-1729, л. 35 и 35 об. (здесь руку приложил сам челобитчик); ф. 796, оп. 26, д. 128-1745, л. 47—50 (руку приложили и написали сами челобитчики).

³⁸ Во второй челобитной в списке челобитчиков прибавились одно-два имени, основной состав тот же (ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 71-1727, л. 2—3, 9—10).

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 2, д. 43-1718, л. 12 и 12 об., 13 и 13 об.

Крестьянские мирские челобитные являлись документом с довольно устойчивым формуляром: их начало и конец всегда были постоянными. Текст с изложением обстоятельств дела и просьбы обычно не был связан традиционными формулами, чаянья и требования крестьян излагались в формулировках, исходящих от самих челобитчиков. Это делает челобитные особенно ценным источником для изучения взглядов, представлений и настроений крестьянства.

Б. И. МИРОНОВ

ПРОВЕРКА НАДЕЖНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ МЕТОДАМИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

Статистические данные стали важным и желаемым видом источника для историка — об этом свидетельствует современная советская историография. Однако использование статистических данных в исторических исследованиях нередко носит некорректный характер: достоверность и представительность подобных данных либо оценивается интуитивно, либо вовсе не оценивается.

Историк, имеющий дело со статистическими сведениями, в отношении их надежности чаще всего сталкивается с тремя проблемами. Первая проблема: какие данные вообще следует считать точными или достоверными? Вторая проблема связана с тем, что очень часто разные по происхождению источники об одном и том же явлении сообщают противоречивые или не совпадающие друг с другом данные, и в этом случае возникают неизбежные вопросы: какой источник достовернее и какими пользоваться данными? Третья проблема вытекает из того факта, что историк, как правило, пользуется оставшимися от прошлого выборочными, а не сплошными данными и на их основе строит выводы обо всем изучаемом явлении. В результате, говоря языком статистики, историк имеет выборочную совокупность (выборку), на основе которой он пытается сделать вывод о генеральной совокупности, и в подобном положении перед исследователем возникает ряд вопросов. Представительна ли (репрезентативна) выборка? Насколько точно она характеризует генеральную совокупность? Как «усовершенствовать» выборку, чтобы она дала надежные результаты?

В настоящей статье делается попытка охарактеризовать некоторые способы разрешения трех указанных выше проблем, неизбежно возникающих перед историком в отношении надежности используемых им статистических данных.

Первая проблема, с которой сталкивается историк, опирающийся в исследовании на статистические материалы, — какие данные следует считать точными или достоверными, — не может